

Старинный Харьковский театр.*

Харьковский театр при императоре Александре I и в начале царствования императора Николая.

ЛЧ478, I, 1896, 158

Театръ 1808 года.—Польская труппа и ся драматургъ Петровскій.—Спектакли съ 1810 по 1813 годъ.—Спектакль „Благороднаго Общества“ въ пользу архитектора Алферова.—Неудачная попытка юного драматурга Масловича.—Спектакли въ Юнаковкѣ.—Старая школа.

Въ началѣ текущаго столѣтія въ Харьковѣ не только былъ театръ, но во-дились и драматурги, но благодаря цензурнымъ строгостямъ, ихъ произведенія не попадали ни на сцену, ни въ печать. Вотъ, напримѣръ, что разсказывается о студенческомъ періодѣ своей жизни В. Масловичъ, редакторъ юмористи-ческаго журнала „Харьковскій Демокритъ“, издававшагося въ 20-хъ го-дахъ: „Лѣтъ дерзостью Алкида пустился въ обширное поприще драма-тической поэмы! Въ сіе время окон-чилъ я (то етъ въ 1810 году) двѣ оперы**, написалъ оригинальную опе-ру-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ „Дро-воська“, выставя въ оной дѣйствую-щими Россійской и малороссійской ли-ца; милая моя (здѣсь рѣчь идетъ о хорошенъкѣ сосѣдкѣ Масловича) и въ семъ водевилѣ была образцомъ для главной роли Катерины, дочери дро-воська. Сія опера отдана была мною въ цензурный комитетъ, но, къ не-счастью, попалась медицинскому про-фессору Шумлянскому, уроженцу ма-лороссійскому: ему не поправилось, что я выставилъ на сцену съ глупой стороны малороссіянина, а потому онъ и не одобрилъ ее къ печатанію. Не унывая отъ сего, я сочинилъ пеболь-шую комедію въ прозѣ—„Щебетуха“, началь большую трагедію въ прозѣ и во вкусѣ Шекспира, подъ названіемъ

„Могущество природы и любви“; тра-гедія сей было написано уже полто-ра дѣйствія. Сочинилъ прологъ въ стихахъ: „Праздникъ Бахуса“, по-томъ комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ въ прозѣ „Конфетчикъ“ или „Кенитѣба по парижской модѣ“. Сія послѣдняя картина у Осипа Ивановича рѣдко съѣжалъ на затылокъ, ибо дѣлаши плохо, печѣмъ было платить ак-терамъ, не на что было купить для профессору, а такъ какъ тамъ былъ осмѣянъ одинъ ученый педагогъ, то господинъ профессоръ не восхотѣлъ, чтобы ее играли, не смотря на всѣ старанія директора бѣдной Харь-ковской труппы и вмѣстѣ съ тѣмъ на мою досаду. Послѣ сего ди-ректоръ бросился съ просьбами къ г. гражданскому Харьковскому гу-бернатору Бахтину, чтобы позво-лилъ онъ представить моего „Кон-фетчика“. Г. губернаторъ взялся бы-ло самъ просмотрѣть комедію, но по флегматическому своему сложенію дол-го медлилъ и, паконецъ, затерялъ ее между кипами своихъ бумагъ... „До-оперы**“, написалъ оригинальную опе-ру-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ „Дро-воська“, выставя въ оной дѣйствую-щими Россійской и малороссійской ли-ца; милая моя (здѣсь рѣчь идетъ о хорошенъкѣ сосѣдкѣ Масловича) и въ семъ водевилѣ была образцомъ для главной роли Катерины, дочери дро-воська. Сія опера отдана была мною въ цензурный комитетъ, но, къ не-счастью, попалась медицинскому про-фессору Шумлянскому, уроженцу ма-лороссійскому: ему не поправилось, что я выставилъ на сцену съ глупой стороны малороссіянина, а потому онъ и не одобрилъ ее къ печатанію. Не унывая отъ сего, я сочинилъ пеболь-шую комедію въ прозѣ—„Щебетуха“, началь большую трагедію въ прозѣ и во вкусѣ Шекспира, подъ названіемъ

* См. во 2 томѣ сочиненій графа Соллогуба разсказъ „Собачка“.

**

Роммель „Нѣть літъ изъ истории Харь-ковскаѧ Университета“, стр. 48 и 98

То же было и на другихъ провинціаль-

ныхъ сценахъ:

въ 1812 г.

московскіе актеры,

перѣхавши въ Ярославль, встрѣтили сильную

конкуренцію со стороны цыганки

Стешки и

ея хора (Любецкаго

Русь и русскіе въ 1812 г.

II, 8).

А Квитка.

* Продолженіе. См. „Южн. Край“ № 4476.

** Авторъ еще гимназистомъ написалъ „па-стушескую оперу“, „пастораль“, „Аминуту“ и „другую подобную“ „Дельфъ“ и „Дельфиа“ или „Увѣличнай любовь“.

у импресарио завелись деньги, и опь вполнѣ счастливъ; козирекъ опущенъ, а картузъ надвинутъ на глаза,—зна-читъ, театральная касса совершиенно пуста, и къ Калиновскому хоть не прозѣ „Конфетчикъ“ или „Кенитѣба по парижской модѣ“. Сія послѣдняя картина у Осипа Ивановича рѣдко съѣжалъ на затылокъ, ибо дѣлаши плохо, печѣмъ было платить ак-терамъ, не на что было купить для профессору, а такъ какъ тамъ былъ осмѣянъ одинъ ученый педагогъ, то говорить Г. О. Квитка, „не получая жалованья часто не хотѣли выходить на сцену. Вмѣшивались полиція и публика; толпа приводила фантастически костюмированаго актера, крича: „дикаго человѣка поймали“. И его силою заставляли играть. Безпорядки дошли до того, что къ кассѣ былъ приставленъ полицейскій чиповникъ; онъ долженъ былъ дѣлить сборы между актерами, но не могъ удовлетворять всѣхъ претензій“.

Роммель, прожившій въ Харьковѣ съ января 1811 года до июля 1814 года **, говоритъ о тогдашнемъ теат-рѣ: „главнымъ украшениемъ его были цыганы и цыганки: съ гитарой въ рукахъ, они то плавно изгибались подъ дикіе напѣвы, то, какъ буря, посились по сценѣ***. Оркестръ со-стоялъ изъ крѣпостныхъ предводите-ля****, разъ какъ то они были взяты своимъ господиномъ, и театръ разстро-ился. Въ партерѣ подъ музыкантовъ располагался предсѣдатель уголовной палаты (Мюнстеръ—вооруженный пал-кою, вѣчно взволнованный и пакален-ный; онъ давалъ звать публику о своемъ пастроеніи сильными ударами по перегородкѣ оркестра, задѣвая иногда палкою спины музыкантовъ“.

* См. во 2 томѣ сочиненій графа Соллогуба разсказъ „Собачка“.

**

Роммель „Нѣть літъ изъ истории Харь-ковскаѧ Университета“, стр. 48 и 98

То же было

и на другихъ

провинціаль-

ныхъ сценахъ:

въ 1812 г.

московскіе актеры,

перѣхавши въ Ярославль, встрѣтили сильную

конкуренцію со стороны цыганки

Стешки и

ея хора (Любецкаго

Русь и русскіе въ 1812 г.

II, 8).

А Квитка.

Какъ въ Харьковѣ смотрѣли на ак-теровъ, видно изъ того, что какой-то знакомый Роммель помѣщикъ причи-слилъ ихъ къ категоріи бродягъ; къ ней же, прибавимъ, относилъ онъ и профессоровъ *.

Съ точки зрѣнія характеристики права и понятій того времени инте-ресны разыясненія, появившіяся въ „Вѣстникѣ Европы“ по поводу сооб-щенія объ одномъ харьковскомъ спек-таклѣ.

Въ 1811 году Харьковскимъ „Вла-готворительнымъ Обществомъ“ былъ устроенъ спектакль въ пользу моло-даго архитектора Алферова, путеше-ствовавшаго (нерѣдко пѣшкомъ) по Италіи для изученія классическихъ памятниковъ своего искусства **. Въ этомъ спектаклѣ, давшемъ чистаго сбора 1000 руб., разыграна была драма сія сочинена мною назадъ тому 18 лѣтъ, слѣдовательно объявление не дѣлало меня авторомъ и губернаторомъ въ одно время*. Подъ „объявленіемъ“ этого самаго губернатора И. И. Бах-тина, о которомъ съ такимъ негодованіемъ говорить В. Масловичъ. Кто-то пап-исалъ по этому поводу корреспонден-цію въ „Вѣстникѣ Европы“, въ кото-рой было сказано, что „Ревнівый“ новая пьеса и что авторъ дозволилъ сыграть ее, желая участвовать въ „подвигахъ“ благороднаго общества*. Бахтина, оскорбившись, что его, губер-натора, называютъ авторомъ, немед-ленно послалъ въ редакцію письмо, въ которомъ объяснилъ, что хотя онъ дѣйствительно писалъ „Ревніваго“; но восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще не былъ губернаторомъ. „Желая меня похвалить, писалъ Бах-тиль издателю журнала, вы сдѣлали мнѣ большую непріятность. Ежели человѣка называютъ миролюбивымъ, безъ сомнѣнія, это весьма большая ему похвала. Но А. В. Суворовъ, скаживаются, про одного генерала говорилъ: хороший генералъ! миролюбивый генералъ! Слова „миролюбивый“ и

„генералъ“, соединенные вмѣстѣ, были не похвалою, а критикою тому. Губернаторъ и авторъ драмы, соединен-ные, едва ли, по мнѣнію моему, не равносильны. Мы могутъ возра-зить, что Фридрихъ Великій издалъ цѣлые томы сочиненій своихъ, одна-ко-же правиль не только губерніей, но и цѣлымъ государствомъ и предво-дительствовалъ арміями. Но кто увѣритъ меня, что онъ не правиль бы еще лучше, ежели бы не сочинялъ? Кто поручиться мнѣ, что какоенибудь хо-рошее мѣсто въ поэмѣ его „Искусство военное“ не стоитъ ему неудачи хотя одного сраженія? Въ объявление о сей драмѣ напечатано было, что я ее со-чинилъ, но въ томъ же объявление было помѣщено, что драма сія была сочинена мною назадъ тому 18 лѣтъ, и таланту Мещерскаго, былъ вы-дающимся явленіемъ и не про-шлось разумѣться афиша. Въ заклю-ченіе Бахтина просилъ напечатать его письмо. Издатель, исполнивъ его желаніе, прибавилъ отъ себя: „Въ печатномъ объявленіи дѣйствительно комику первый толчекъ къ переходу на новый путь. Князь, по словамъ Щепкина, игралъ прекрасно. „Поднялся запавѣсь, и передо мною князь; но вѣтъ, это не князь, а Солидартъ, скупой. Какъ страшно измѣнилась вся фигура князя! Исчезло благородное выраженіе его ли-ца, и скучность скареда рѣзко вырази-лась на немъ“. Щепкинъ, воспитанный на стариныхъ пріемахъ, не сразу понялъ Мещерскаго. Ему показалось даже, что князь не умѣеть иг-рать: „говорить, просто смѣшино ска-зать, какъ все люди; все, игравшіе съ нимъ показались мнѣ лучше его, потому что они играли, особенно игравшій роль Пасквина: онъ гово-рилъ съ такой быстротой, махалъ руками такъ сильно, какъ любой, са-мый лучший настоящій актеръ“. Но въ концѣ концовъ князь очаровалъ молодого артиста, и Щепкинъ сталъ самъ стремиться къ безъискусствен-

ности, которую поразилъ его Мещер-скій; но ни кому изъ товарищей не рѣшился Щепкинъ открыть свою за-душевную мысль, боясь быть осмѣян-нымъ каждымъ изъ нихъ.

Тогдашнюю школу и нелѣпое пони-мание ей въ провинції Щепкинъ такъ характеризуетъ въ своихъ запискахъ: „Никто не говорилъ своимъ голосомъ, игра состояла въ какой-то изуродованной декламаціи, слова произноси-лись какъ можно громче, и почти каждое слово сопровождалось жестами. Особенно въ роляхъ любовника декламировали такъ страстно, что съмѣшио всjomъ, слова: любовь, страсть, измѣна,—выкликались такъ громко, какъ только доставало силъ въ человѣкѣ, но игра въ физиономіи не помогала актеру: она оставалась въ томъ же патинутомъ, неестественномъ положеніи, въ какомъ являлась на сцену. Когда актеръ оканчивалъ какой-нибудь сильный монологъ, послѣ которого должно было уходить, то при-пято было въ то время за правило поднимать правую руку вверхъ и та-кимъ образомъ удаляться со сцены. Однажды одинъ актеръ, окончивши тираду и удаляясь за кулисы, забылъ поднять руку. Что-же? На полупути онъ рѣшился исправить свою ошибку?*. Честь Бахтина, какъ губернатора, была, такимъ образомъ, совершенно восстановлена...

Подъ „печатнымъ объявленіемъ“, о которомъ упоминали Бахтина и из-датель „Вѣстника Европы“, нужно разумѣть афишу. Такимъ образомъ, въ Харьковѣ еще въ 1811 году сущес-твовали печатныя афиши. Весьма возможно, что афиши печатались и рань-ше, съ 1808 года, ибо и тогда уже игралъ роль Пасквина: онъ гово-рилъ съ такой быстротой, махалъ руками такъ сильно, какъ любой, са-мый лучший настоящій актеръ*. Все это продѣливали въ Харьковѣ и русскіе, и польскіе актеры. Н. Ч.

(Продолженіе сълѣдуетъ).

* Щепкинъ Записки, 125—126 Арапова Литопись, 47.